

¹⁶ Бунин И. А. Собр. соч.: В 6 т. — Т. 6. — С. 432.

¹⁷ Мальчукова Т. Г. Парафразы псалмов в русской поэзии 1820-х годов // Евангельский текст в русской поэзии XVIII—XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. науч. тр. — Петрозаводск, 2001. — Вып. 3. — С. 111.

¹⁸ См.: Там же.

¹⁹ Там же. — С. 115.

²⁰ Св. Иоанн Златоуст. Беседы на Псалмы. — М., 2005. — С. 507.

²¹ Псалтирь на церковно-славянском языке с параллельным переводом на русский язык. — М., 2003. — С. 463.

²² Св. Иоанн Златоуст. Указ. соч. — М., 2005. — С. 508.

²³ Псалтирь. — С. 465.

²⁴ Св. Иоанн Златоуст. Указ. соч. — С. 508.

²⁵ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — М., 1989. — Т. 4. — С. 580.

²⁶ Св. Иоанн Златоуст. Указ. соч. — С. 508.

²⁷ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. — Т. 4. — С. 95.

²⁸ Псалтирь. — С. 637.

²⁹ Болдырев Н. В. Правда большевистской России. Безымянная Россия // Москва. — 2001. — № 1. — С. 217.

³⁰ Бунин И. А. Собр. соч.: В 6 т. — С. 26.

³¹ Бунин И. А. Окаянные дни. — С. 352.

³² Там же. — С. 356.

³³ См.: Захаров В. Н. Христианский реализм в русской литературе // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX вв. — Петрозаводск, 2001. — Вып. 3. — С. 5—20.

С. В. Димитрова

ОБ ОГРАНИЧЕННОСТИ ЦЕЛЕРАЦИОНАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ И «ПОЛНОТЕ» ПОСТУПКА

Жизненные реалии современного человека таковы, что высокая степень осознанности действий, их прагматическая направленность не приводят к обретению свободы. Возникают новые, более тотальные формы зависимости, причиной которых являются стремления людей к достижению собственных целей. Ориентированность на успешность действий, формулировка рациональных целей, создание и применение конструктивных средств создают ситуации, при которых человек чувствует себя «покинутым», «отчужденным», «бездомным».

Обоснование данного положения начнем с определения понятия «цель». Цель — это особенная форма направленности действия,

выражающая субъективную волю, стремящуюся утвердить себя в объективности. Осознание потребностей способствует возникновению желания, а цель является объектом желания. Цель выступает как способ рационального обоснования действия и включает в свое содержание знание о средствах. Цели представляют определенную ценность для действующего агента и тесно связаны с уровнем развития знания и степенью его освоенности субъектом.

Целереализация, как правило, демонстрирует ограниченный характер идеального содержания цели. Действительный результат неизменно выступает условием, при котором необходимо осуществление новых действий, требующих более точной формулировки целей, совершенствования средств, возможности предвидеть появление непреднамеренного, побочного продукта. Природа процессов целереализации и целереализации такова, что человек оказывается вовлеченным в бесконечную череду действий, а цель, рассматриваемая как идеал, достижение которого возможно лишь в будущем, превращается, по меткому выражению Н. Трубникова, «в охапку сена перед носом осла»¹.

Важно отметить, что активность людей, проявляющаяся в стремлении достигать цель, задает строгие рамки тому, какие знания получает человек, к каким ценностям он может стремиться. Абсолютизация стремления «достичь цели» способствует возникновению новых форм зависимости. Однако направленный на достижение цели индивид не тяготится ими. Напротив, увеличивая масштабы воздействия на окружающий мир, человек, опасаясь необратимых, роковых последствий своих действий, исключает проявление моментов произвольного, игрового, расценивая их как ошибочные.

Следует акцентировать внимание на том, что эта подчиненность «калькулирующему рацио» носит не временный, а перманентный характер, ибо процессы целереализации и целереализации бесконечны. На наш взгляд, активность людей, проявляющаяся только в стремлении достигать целей, не может рассматриваться как условие для прогрессивного развития, скорее — это движение назад, поскольку одномоментный успех в целереализации, фрагментальное совпадение цели и результата (только в данных временных и пространственных рамках) человек оплачивает полнотой своих жизненных проявлений.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что во имя достижения целей субъекта из действий исключаются все проявления жизненности, индивидуальности человека. В известном изречении Э. Фромма о том, что «.....современный человек готов пойти

на любой риск, чтобы достичь какой-либо цели, но он чрезвычайно боится риска и ответственности поставить себе эту цель», четко выражена абсурдность данной ситуации². Планируемость и калькулируемость, распространяемые на общественные процессы, оборачиваются усилением социальной нестабильности. «Ненадежность сегодня — это не вопрос выбора, это — судьба», — характеризует современную цивилизацию З. Бауман³.

Таким образом, в рамках данной статьи мы попытаемся рассмотреть современный антропологический кризис в аспекте ограниченной природы целерациональных действий. Противоречие между желаниями человека и результатами приняло такие масштабы, что преодолеть его можно не путем совершенствования действий, а через приобщение к смысловой целостности поступка. Ограниченности действий должна быть противопоставлена «полнота» поступка.

В чем же заключается принципиальная разница между действием и поступком? На наш взгляд, описание поступка как альтернативной действию формы активности наиболее полно представлено в учении М. Бахтина. Автор произведения «Философия поступка» указывает на то, что ограниченность деятельности обусловлена ее природой. Ибо любые действия «.....устанавливают принципиальный раскол между содержанием — смыслом данного акта — деятельностью и исторической действительностью его бытия, вследствие чего этот акт и теряет свою ценность и единство живого становления и самоопределения»⁴. Установление «раскола» между объективным миром культуры и индивидуальным проявлением жизненности выступает неизбежным результатом любого процесса деятельности. Осуществляясь, деятельность порождает два «не проницаемые друг для друга мира: мир культуры и мир жизни — единственный мир, в котором объективируется акт нашей деятельности, и мир, в котором этот акт единожды действительно протекает, свершается»⁵. Ориентированность современного типа цивилизации на развитие рационального, «содержательно-смыслового» начала действий создает ситуации, при которых возникает «отвлеченно-теоретический» самозаконный мир». Характерными чертами его являются: автономность, подчиненность имманентному закону, принципиальная чуждость «живой единственной историчности», самопроизвольное развитие.

Становление теоретического сознания, стремящегося утвердить индивидуальную, личностную свободу, изначально исключило человека из своего мира. «Меня, действительно мыслящего и ответственного за акт моего мышления, нет в теоретически значимом суждении», — отмечает М. Бахтин⁶.

Классическая рациональность, сделав приоритетными стремления к объективной истине, рассматривает субъекта как источника ошибок. Научно можно приобщиться к истине, только абстрагируясь, отвлекаясь от собственной жизненности в ее индивидуально-исторических, нравственных, конкретно-временных проявлениях. Тем самым процесс мышления, утверждающий теоретически значимые суждения, «требуется» отречения от «моего единственного бытия и нравственного смысла этого факта». За отречением следует подчинение автономной законности познания.

Рационализация целей абсолютизирует роль теоретической значимости и подавляет конкретно-историческое, жизненное существование человека. Больше того, «роковое теоретизирование» представляет опасность для человечества. Примером тому является автономность техники, первоначально создававшейся как средство для достижения целей человека, между тем, подчинившись имманентному закону, машина превратилась в «безответственно страшную», разрушительную силу. Преодолеть дуализм познания и жизни, технического и органического нельзя, оставаясь в рамках объективного, научно-технического мышления.

Рассматривая ограниченность рационального мира, следует обратить внимание еще на один аспект этой проблемы. Поскольку в теоретически-значимом суждении игнорируется индивидуальная ответственность действующего агента, постольку теоретическая истинность не может выступать достаточным основанием для долженствования. «Долженствование может обосновывать действительную наличность именно данного суждения именно в моем сознании при данных условиях, т.е. историческую конкретность индивидуального факта, но не теоретическую в себе истинность суждения», — пишет Бахтин⁷.

Важно отметить, что долженствование цели, как правило, основывается на теоретической значимости, на абсолютности этических норм и эстетических ценностей, заставляя их выступать в роли общезначимого довлеющего начала.

Соглашаясь с мыслью Бахтина о том, что не существует этического, научного, эстетического долженствования, хотим отметить, что цели не могут представлять, «узурпировать» определенные ценности. Они (цели) обретают значимость, если служат реализации творческого, жизненного, индивидуального начала. В случае если приоритетной становится ориентация на успешную целереализацию, то возникает диктат ценностей и, как следствие, нигилизм.

Оторванные от жизни, базирующиеся на объективных теоретически-истинных положениях цели стремятся лишь к самосохранению и самооправданию. Ценности могут обрести действительное существование только в поступках конкретно-исторических личностей, ибо не существует «.....определенных и в себе значимых нравственных норм, но есть нравственный субъект с определенной структурой... ..он будет знать, что и когда окажется нравственно-должным, точнее говоря, вообще должным (ибо нет специально-нравственного долженствования)»⁸.

Обобщая, можем представить важнейший отличительный признак поступка, а именно: утверждение целостности смыслового и конкретно-исторического моментов. Главным условием целостности, обретения единства является гармоничное существование двусторонней «.....ответственности за свое содержание (специальная ответственность) и за свое бытие (нравственная), причем специальная ответственность должна быть приобщенным моментом единой и нравственной единственной ответственности»⁹.

Таким образом, единство в поступке не достигается через утверждение приоритетности одного мира над другим. Гармоничная целостность становится возможной благодаря тому, что поступок творит новое бытие. Становление нового бытия обусловлено взаимовлиянием жизненных и теоретических значений, субъективности и объективности. Поступок проникнут жизненностью, он не может осуществляться в мире «построений теоретического сознания», вместе с тем, из бытия поступка не исключается рациональность, она обретает форму ответственности. Именно ответственность, по мнению Бахтина, делает возможным использование теоретической значимости как средства воплощения конкретно-исторического, фактического события.

Определив поступок как условие существования целостности, следует обратить внимание на то, что реализация поступка — это окончательное свершение чего-то, «всесторонний окончательный вывод». Поступок раз и навсегда утверждает единственность нового бытия, где теоретическая значимость, «историческая фактичность», «эмоционально-волевой акт» гармонично сочетаются, не ущемляя, а дополняя друг друга. Примером свершения поступка является пришествие, «снисхождение» Христа в мир. Бахтин подчеркивает, что «.....мир, откуда ушел Христос, уже не будет тем миром, где его никогда не было, он принципиально иной»¹⁰. Определить, объяснить то, что произошло, ибо любой аспект рассмотрения приведет к утрате смысла, обеднит и исказит произо-

шедшее. Важно то, что свершилось: изменился мир, человек стал другим, иные ценности стали значимыми.

Эта проблема обретает особую остроту из-за того, что люди отнюдь не стремятся к свершению поступка, а предпочитают реализовать себя в целерациональных процессах. Абсолютизация прагматических действий ведет к утрате собственного «я», не давая проявиться личностному началу. Действующие агенты, изучая правила достижения успешности, выгоды, по сути подчинили себя «имманентной законности» целерациональных действий. Современный тип цивилизации создал условия, при которых «.....человек чувствует себя уверенно, богато и ясно там, где его принципиально нет в автономном мире культурной области и его имманентного закона творчества, но не уверенно, скудно и неясно, где он имеет с собой дело, где он — центр исхождения поступка, в действительной единственной жизни, то есть мы уверенно поступаем тогда, когда поступаем не от себя, а как одержимые имманентной необходимостью смысла той или другой культурной области, путь от посылки к выводу совершается свято и безгрешно, ибо на этом пути меня самого нет.....»¹¹.

Помочь реализовать себя, не во внешних, чуждых моему бытию действиях, а через утверждение абсолютности личностного начала может формирование «участного мышления». Согласно Бахтину, прежде всего, необходимо изменить смысл понимания. Понять предмет можно, только рассмотрев его отношение к человеку как единственному, личностному бытию. Если теоретическое познание предполагает отвлечение от познающего и установление объективной, общезначимой истины, то участие к миру предполагает личную ответственность познающего, проявляющуюся в установлении единства между поступком и его продуктом.

Идя по пути к участию мышлению, важно осознавать, что мир теоретических, этических, эстетических ценностей, словом, мир культуры, безусловно, имеет свою значимость, но он не является единственным. Ведь существует еще «жизненный мир», в котором все решения и принципы поведения обретают бытие благодаря поступкам человека. В этом мире не может существовать готовых решений и стратегий поведения, здесь человек ответствен за все. Процессы социализации помогают людям ориентироваться в сфере культурных объективных символов, используя уже готовые варианты действия. Однако источником открытия теоретически-значимых истин, нравственных норм является живой человек, способный «здесь и сейчас» принять решение, совершить ответ-

ственный выбор и реализовать его. Любая мысль может быть «мыслена» благодаря тому, что обладает ценностью для того, кто мыслит. Все значимости, ценности и смыслы утверждались «эмоционально-волевым» образом конкретной личностью. Активное переживание, равнодушное отношение к миру позволяют пребывать в «единственном бытии» и «действительно утверждают смысловое содержание».

Свершение поступка ведет к установлению культурных ценностей, а все попытки использовать существующие культурные символы как средства для реализации последующих поступков приводят к установлению зависимости, подчиненности того, кто действует, «имманентной закономерности». Стремление человека воспользоваться готовой схемой поведения неизбежно приведет к забвению собственного «я», к новым формам отчуждения. Следовательно, поступок не может исходить из общих положений и задавать нормы, его следует рассматривать «.....не как факт, извне созерцаемый или теоретически мыслимый, а изнутри, в его ответственности; поступок реализует действительное конкретное должествование, обусловленное его единственным местом в данном контексте события.....»¹².

Единственное ответственное сознание является необходимым условием, при котором возможно не механическое объединение, а реализация единства жизненного и культурного миров во всей их полноте. Таким образом, «участное мышление» помогает реализовать поступок, осуществляя переход от возможного к действительному. Поэтому отказ человека от «участного мышления» — это не только забвение собственной личности, но и отказ от свершения новой формы бытия.

Поступок онтологически значим и гносеологически ценен, ибо процесс свершения обнажает «правду данного момента», выразить которую можно только через активное ответственное отношение к миру данного конкретного субъекта. Теоретическое изучение и констатация фактов действительности допускают принцип заменяемости (не познал один, познает другой), а участное мышление как осознание факта причастности человека к единому бытию событию указывает на уникальную, неповторимую причастность человека к бытию. Личность не может быть заменима в реализации поступка, ибо устанавливает абсолютно не воспринимаемую другими форму существования бытия.

Осознание неповторимости, уникальности личности в аспекте онтологической значимости приведет к установлению человеком его «не алиби в бытии». «Этот факт моего не алиби в бытии,

лежащий в основе самого конкретного и единственного должностования поступка, не узнается и не познается мною, а единственным образом признается и утверждается», — отмечает М. Бахтин¹³. Поступок превосходит процессы самореализации индивида и установления действительности бытия, он (поступок) утверждает единственность, участность существования личности в бытии. Пафос поступка заключается в том, что «...я есмь действительный, незаменимый и потому должен осуществить единственность»¹⁴. Подлинная продуктивность действий обуславливается признанием «.....факта бытия единственной личности изнутри ее, где этот факт становится ответственным центром, там, где я принимаю ответственность за свою единственность, за свое бытие»¹⁵.

Вместе с тем важным является то, что только признание абсолютности личностного бытия, проявляющее себя в ответственности, позволяет строить отношения с другими людьми. Участное мышление способствует пониманию того, что только «я со своего единственного места в бытии» смогу существенно обогатить бытие другого. Ответственно подходя к собственной «единственной, незаменимой причастности к бытию», человек оказывается способным реализовывать, утверждать в действительности высшие ценности, которые вне поступка будут существовать «в себе значимом бытии», являясь лишь определенными возможностями. Следует отметить, что мир ценностей самодостаточен и не нуждается в существовании «я», однако наполнить конкретным содержанием, обрести значимость в действительности ценности могут только через «инициативу поступка». Непризнание «не алиби в бытии», отказ от участного мышления обеднит мир людей еще на одну форму проявления, существования истины, добра, красоты. В свете сказанного следует понимать ответственность не как создание нового смысла, а как уникальную форму утверждения, творения действительности. И такое свершение личностного бытия каждым участно мыслящим человеком не приведет к существованию множества миров, ибо единственным условием реализации «неповторимо ценных личных миров» является наличие «единственного единства».

Последнее не может быть застывшей данностью, оно вновь и вновь обретает свое содержание в поступках. Безусловно, первичным должно быть осознание того, что «ценно лично для моего бытия», ибо такое понимание дает возможность принять все то, что значимо для других. Смыслообразующим фактором ответственного сознания является ориентированность на другого человека, а не на абстрактное, безликое человечество. Признавая существова-

ние другого, других, личность на основе отношения к ним будет выстраивать иерархию ценностей. Стремления к общезначимым ценностям, абсолютно непогрешимым ориентирам не имеют права на существование, ибо они устанавливают равнодушное отношение к конкретному человеку.

Рассмотрев характеристики поступка, сформулируем основные выводы данной статьи. Прежде всего, автор обосновывал утверждение о том, что в целерациональных действиях проявляется зависимость человека. Представляя целереализацию как одну из форм перехода от возможного к действительному, следует постоянно учитывать тот факт, что приоритетом здесь является ориентация на объективно-смысловой мир. Следовательно, будь то теоретическое или ценностно-значимое смысловое суждение, оно неизбежно ведет к подавлению индивидуального, личного, не нуждаясь в существовании отдельного человека. Наиболее ярко это проявляется в том, что целерациональная активность предоставляет человеку огромное количество вариантов действий, лишая его принципа выбора. Отвлеченно-смысловая часть бытия содержит в себе различные проекты и стратегии, человек здесь может исполнять любые роли, ибо ни одна из них не является его собственной. Имея дело с бесконечным содержанием, индивид пребывает в состоянии «абсолютной неуспокоенности», он расширяет масштабы своего воздействия на окружающий мир, а затем планирует действия, стремящиеся преодолеть последствия собственной активности.

Процессы целеполагания и целереализации следует рассматривать как ограниченные рамками уже существующего, сформированного мира. Данная форма активности людей предполагает участие в свершившемся, ибо им от рождения даны определенные этические нормы, теоретически значимые суждения, сформированные потребности. Поэтому абсолютизация стремления — достичь цели — это всегда запрограммированные действия, неизбежно приводящие к несоответствию результатов потребностям, углубляющим «раскол» между миром объективно-существующих ценностей и личностным бытием. Достижение цели способствует тому, чтобы человек стал кем-то, занял определенное место в уже существующем мире, предав забвению собственное личностное бытие.

Таким образом, преодолеть зависимость, снять различные формы отчуждения можно, не идя по пути совершенствования процессов целереализации, а стремясь к свершению поступков. Основанием поступка не могут быть цели, потребности, желания человека, равно как законы, обычаи, теоретическое знание. Смыслом поступка является ответственность, обязывающая реализовать един-

ственность личностного бытия. Совершение поступка ведет к возникновению новой реальности, обуславливает переход к отрезку жизни, ценность которого состоит в том, что его создателем является сам человек. Резюмируя, отметим, что поступок самодетерминирован, т.е. свободен. Поступок противопоставлен целевому действию, как свобода зависимости.

Таким образом, свобода не достигается в процессе успешной целереализации. Свобода первичнее целей, она проявляет себя в реализации личностного бытия, устанавливая совершенно иную реальность. Свобода связана с готовностью нести ответственность за существование новой реальности. Обретая свободу, личность может стремиться к достижению целей или отказываться от них, активно действовать или пребывать в бездействии. На наш взгляд, современный человек может называть себя свободным, следуя формулировке «могу — и не должен», отказавшись от позиции «хочу и достигаю», поскольку к результатам его активных действий относятся не только разнообразные формы деструктивности, но и потеря собственной сущности. Интенциональность, безусловно, есть форма проявления и утверждения личностного бытия, но проблема заключается в том, что абсолютизация целевой активности приводит к пониманию человека как некоего «модуля», способного к постоянному изменению и перекомбинированию. Свободная личность в своей устремленности к цели должна обладать внутренней независимостью по отношению к этой цели. Богатство личностного бытия не исчерпывается суммой результатов тех действий, которые человек совершил. Сущностной характеристикой свободы являются зависимость от личностного бытия, самодетерминированность действий человека. Успешность же требует отказаться от себя и следовать объективно существующим «правилам игры». Важно отметить, что принцип «не должен» — это не форма прикрытия, компенсации несостоятельности индивида в решении каких-то проблем. Полнота личностного бытия проявляется в том, что человек, обладая всеми необходимыми средствами, находясь в благоприятных условиях, оказывается в состоянии отказаться от получения результатов, «осмеливаясь быть собой».

---

¹ Трубников Н. О. О смысле жизни и смерти. — М., 1996. — С. 69.

² Фромм Э. Бегство от свободы. — М., 1990. — С. 83.

³ Бауман З. Индивидуализированное общество. — М., 2002. — С. 112.

⁴ Бахтин М. Философия поступка // Философия и социология науки и техники. — М., 1986. — С. 82.

⁵ Там же. — С. 83.

⁶ Там же. — С. 84.

⁷ Там же. — С. 84.

⁸ Там же. — С. 86.

⁹ Там же. — С. 87.

¹⁰ Там же. — С. 94.

¹¹ Там же. — С. 96—97.

¹² Там же. — С. 103.

¹³ Там же. — С. 112.

¹⁴ Там же. — С. 113.

¹⁵ Там же. — С. 115.

Д. В. Жабин

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ СПОНТАННОЙ РЕЧИ В СИТУАЦИИ СТРЕССА

В настоящее время звучащая речь все чаще привлекает к себе интерес исследователей. При этом основной проблемой и задачей является разработка механизма исследования звучащего материала. Методы исследования языка, выработанные в процессе развития лингвистики и доказавшие свою эффективность, прежде всего структурные методы, исторически связанные с возникновением и развитием фонологии, длительное время оказывались не применимыми к исследованию супrasegmentного уровня звучащей речи. В этой области системный подход находится в стадии формирования. При этом мы наблюдаем большой временной разрыв между исследованием сегментного и супrasegmentного уровней.

Системный подход к анализу ритмико-интонационных параметров звучащей речи стимулирует развитие исследовательских методик звучащего материала в направлении от формальных признаков к характеристике стиля речи и эмоционального состояния говорящего. Исследования звучащей речи приобретают междисциплинарный характер.

Для более полного анализа попытаемся рассмотреть исследуемое понятие с позиций психологии и физиологии. В представленных науках речь является одной из высших психических функций человека. Речь появилась в эволюции, вероятно, после того, как люди начали заранее представлять и различать свои действия, создавать и классифицировать представления о предметах, событиях, связях. В то же время созревание речевых процессов в онтогенезе не всегда идет параллельно формированию понятий. Например, некоторые дети с дефектами понятийных систем, тем не